

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 10

**Санкт-Петербург
2011**

Т.В. Кудрявцева

Война и мир в комедиях Аристофана

В нашей статье мы намерены обсудить, как соотносятся и взаимодействуют друг с другом пространства войны и мира на материале нескольких пьес Аристофана. Театр, как известно, был весьма важным элементом общественного бытия демократических Афин. Древняя комедия изначально была комедией политической, злободневной, являясь чем-то вроде дополнительного, специфического института афинского полиса. Комедиографы безошибочно нащупывали «болевы́е точки» и не стеснялись в критике тех явлений внутри- и внешнеполитической афинской жизни, которые им были не по душе. На сцене поднимались и обсуждались те же вопросы и проблемы, что на заседаниях экклесии, – только в иной форме, с использованием насмешки, гротеска, пародии, клоунады, а комедия нередко представляла в роли своеобразного политико-драматического памфлета¹.

В целом ряде своих комедий, написанных во время Пелопоннесской войны, Аристофан предлагал своим согражданам-афинянам своеобразный дискурс по вопросам/проблемам войны и мира. В 425 г. были поставлены «Ахарняне». Пелопоннесская война шла тогда уже шестой год; спартанцы регулярно совершали вторжения на территорию Аттики. Сельское население в соответствии с планом Перикла укрывалось за стенами города. Главный герой «Ахарнян» – крестьянин Дикеополь (Δικαίολπος – «честный гражданин») – в начале пьесы ждет открытия народного собрания, находясь в совсем не патриотическом умонастро-

¹ См.: Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 339; Круазе А. и М. История греческой литературы / Пер. с фр. В.С. Елисеевой. Под ред. С.А. Жебелева. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. С. 281.

ении: он собирается настаивать на заключении мира, «кричать, стучать, перебивать оратора, когда о мире говорить не станет он»² (38-39). Вбегает прорицатель Амфитей, заявляя, что боги поручили ему заключить мир со Спартой. Его выталкивают стражники несмотря на протесты Дикеополя, тогда последний поручает Амфитею отправиться в Спарту и заключить там мир лично для него и его домочадцев. Посла, доставившего для Дикеополя мир, преследует хор ахарнян, жаждущих крови негодного пацифиста. Ахарны – самый большой аттический дем; жители этого дема, особенно пострадавшего от вторжения, рвались в бой со спартанцами, в которых видели своих злейших врагов. Так что выбор ахарнян в качестве оппонентов Дикеополя неслучаен.

Мир, который Амфитей доставил Дикеополу, вполне материален – три бутылки с вином разной выдержки (пятилетней, десятилетней и тридцатилетней). Дикеополь пробует из каждой. Пятилетний «мир» ему не нравится – он пахнет смолой и корабельной снастью; десятилетний отдает посольствами и проволочками; только тридцатилетний благоухает нектаром и амброзией – его-то и выбирает наш герой (188–198). Затем он справляет с женой, дочерью и двумя рабами свой личный праздник в честь Диониса. Появляются ахарняне, намеревающиеся надавать тумачков предателю. Дикеополь призывает хор выслушать его и произносит речь, призванную оправдать его мирную инициативу.

Если абстрагироваться от литературной основы и представить эту сцену «живьем», получается невероятная картина с точки зрения современных представлений о поведении во время войны (как в этическом, так и в правовом отношении). В современную эпоху было бы совершенно невозможно в любой стране, ведущей тяжелую войну, чтобы в переполненном зрителями театре была произнесена вложенная в уста героя речь, фактически оправдывающая врага (и эта пьеса получила бы первую награду!). И дело тут не в большей толерантности афинского общества и не в запредельной степени развитости в нем свободы слова, как полагают некоторые исследователи.³ Главное, на наш взгляд, то, что в античности война еще не приобрела тотальный характер – в данное понятие я включаю здесь и интеллектуальный смысл; т.е. война не стала всепоглощающим фактором общественного сознания, и

² Здесь и далее – перевод А. Пиотровского.

³ См., например: Murray G. Aristophanes: A Study. Oxf.: Clarendon Press, 1933. P. 31.

даже не претендовала на то, чтобы овладеть умами всех граждан и сделать их сознание дихотомичным, «черно-белым»: свой – чужой, наши – враги. Соответственно и понятие «патриотизм» (в современном его понимании, включающим в себя определенные нормы поведения) не применимо (или применимо с оговорками) по отношению к войнам, которые вели между собой греческие полисы⁴. Войну можно было при желании «отторгнуть», изъять из своего сознания – это и делало возможным существование тех интеллектуальных «островов мира» в разгар войны, которые в пьесах Аристофана обретают виртуальную реальность.

Главный пафос речи Дикеополя: спартанцы не виноваты в тех бедах, которые обрушились на Афины (310); война возникла из-за недоразумения – из-за того, что в Мегарах пьяные афинские молодчики выкрали «уличную девку», в ответ разъяренные местные жители утащили у Аспазии двух гетер (522-530). Афиняне принимают постановление: «Изгнать мегарцев с рынка и из гавани» (533–534). Изголодавшиеся в результате мегаряне обратились за помощью к спартанцам – и пошло-поехало. Хор делится на две части: «за» и «против» Дикеополя. Высмеивание войны усиливается с помощью комической антитезы: веселящийся Дикеополь – появляющийся во всеоружии военачальник Ламах. Ламаха глашатай зовет «в поход идти с отрядами» и «встать у перевалов в бурю снежную» (1073-1077), а его оппонента вестник приглашает на веселый пир (1087-1094). Ламах требует себе перо страуса на шлем, а Дикеополь – голубей и дроздов на стол (1104-1105); Ламах – копье, Дикеополь – колбасу (1119-1120) и т.п. В конце прибежавший слуга сообщает, что Ламах, перепрыгивая через ров, споткнулся и ударился головой о камень (1174-1189). Появляются стонущий Ламах и в сопровождении двух танцовщиц – пьяный Дикеополь, воспевающий свою личную победу – мир (1190-1234).

Следующая пьеса на тему «война и мир» носит красноречивое название – «Мир» («Εἰρήνη»), т.е. проблема вынесена в заглавие. Комедия была представлена на Великих Дионисиях в 421 г. и была поставлена судьями на второе место. За полгода до этого в битве под Амфиполем пали главные «поджигатели войны» – афинский демагог Клеон и спартанский военачальник Брасид, так что

---

⁴ Иное дело – война с варварами, например, греко-персидские войны – здесь уместно рассуждать и об эллинском патриотизме и о противопоставлении «свой – чужой», «эллин – варвар»

надежда на скорый мир была как никогда сильна. Главное действующее лицо пьесы – Тригей (Τρυγαῖος – «собиратель плодов», «виноградарь»). Подражая Беллерофонту (из трагедии Еврипида), который отправился на Олимп на Пегасе, дабы потребовать у Зевса объяснений творящимся на земле несправедливостям, Тригей за неимением летучего скакуна откармливает навозного жука привычной для него пищей до огромной величины. Оседлав это средство передвижения, он летит на Олимп. Однако небожителей там нет: устав от распрей людских, они вверили дела земные Раздору (Πόλεμος), покинули чертоги и отбыли на край вселенной. Раздор запрягал девушку Εἰρήνη (Мир) в глубокую пещеру, завалив её сверху камнями (204-226). Тригей застаёт его с огромной ступкой в руках, в которой он собирается толочь греческие города – но вот незадача, нет песта. Πόλεμος посылает слугу за пестом сначала к афинянам, затем спартанцам, но оказывается, что у тех и у других сие приспособление пропало, у афинян – Клеон, у спартанцев – Брасид. Полемос уходит, чтобы сделать новый пест, а Тригей, воспользовавшись его отлучкой, бросает клич, собирая людей со всей Греции (236-300).

В «Мире» то «мирное пространство», которое в «Ахарнях» ограничивался пространством вокруг Дикеополя, его ойкосом (домом с домочадцами, полем) расширяется и обретает (в перспективе) поистине панэллинские размеры. Недаром несколько раз на протяжении действия Тригей подчеркивает панэллинский характер своей миссии: сначала он заявляет о своем намерении взлететь над «всеми эллинами» (ὑπὲρ Ἑλλήνων πάντων – 93), ниже обращается к «мужам эллинским» (ἄνδρες Ἕλληνες – 292), призывая их избавиться от раздоров; а предводитель хора созывает подмогу: «О всеэллинское племя!» (ὦ Πανέλληνες βοηθήσωμεν – 301-302). Хор земледельцев с разных концов Греции – это и есть «всегреки» (Πανέλληνες) (достаточное необычное для времен Аристофана название). Они, а также представители эллинских городов хватаются за канат и начинают отваливать камень от пещеры с Миром. На веревке, мешая тянущимся, сидит, кстати, Ламах. Тянут здорово спартанцы, зато аргивяне, соблюдавшие в войне нейтралитет и торгующие к своей выгоде и с той, и с другой стороной («сосут двух маток», – говорит Тригей), отлынивают. Нет толку от мегарян, потому что они обессилели от голода. Суетятся афиняне, но и от них толку мало, потому что они все усилия тратят на сутяжничество друг с другом (479-507). В

конце концов, Тригей разгоняет представителей городов и вместе с хором земледельцев отваливает камень и освобождает Εἰρήνη вместе с ее подругами – Опорой (Ὀπώρα), богиней жатвы, и Феорией (Θεωρία), богиней празднеств (508-519). Города, несущие на себе зримые следы бывшего раздора (синяки, ссадины, перевязанные головы) примирились и радуются (539-542). Тригей возвращается на землю и женится на Опоре.

Любопытную идею предлагает Аристофан для конверсии ВПК: прибегают оружейники, копейщики и проч., которые терпят теперь убытки, и Тригей придумывает, как в новых мирных условиях использовать их продукцию: султаном со шлема сметать мусор со стола, панцирь использовать в качестве стульчака, военную трубу приспособить под коттаб или безмен (1210-1265).

«Ахарняне» и «Мир» показали побочный эффект Перикловой стратегии. Она ставила верность полису выше верности ойкосу – не хора города подвергалась разорению, а индивидуальные χώροι хозяев ойкосов. Отсюда и «искус» создания индивидуального «пространства мира», ограниченного собственным ойкосом. И хотя описанные в пьесах Аристофана попытки носят утопический (виртуальный) характер, они – свидетельство определенного умонастроения среди афинян (ведь рукоплескала же афинская публика предприимчивым Дикеополу и Тригею!) и примета того, что появилась реальная, а отнюдь не виртуальная угроза единству гражданской общины, т.е. полиса, в связи с проблемой войны и мира.

Несколько дней спустя после представления «Мира» был заключен Никиев мир. Как известно, надежды на мир не оправдались. Через несколько лет война возобновилась, а в 415 г. афиняне по инициативе Алкивиада снарядили Сицилийскую экспедицию. Когда Аристофан поставил своих «Птиц» (Великие Дионисии, 414 г., вторая награда) судьба экспедиции была еще не определена. Дела у афинян не то, чтобы были блестящие: бегство Алкивиада – инициатора и души экспедиции, Сиракузы взять не удалось, – но и грядущую катастрофу еще ничто не предвещало. Главные герои – афиняне, Писфетер и Евельпид, тяготясь ситуацией в Афинах, отправляются искать «тихое местечко», где могли бы «жизнь спокойную начать» (27-48). Писфетера осеняет гениальная мысль: он предлагает птицам построить город между небом и землей, т.е. между миром богов и миром людей, тогда птицы смогут властвовать над теми и другими. Поскольку дым

от жертвоприношений будет идти через птичий город, боги будут обязаны платить пошлину (173-192). Убедив птиц, Писфетер, приступает к осуществлению своего замысла – среди облаков он строит город «Нефелококкигия» – «Тучекукуевск». Прослышав об основании нового города, в него начинают прибывать всякие скользкие типы, желающие себе что-то урвать, получить теплое местечко и т.п. – Писфетер их выпроваживает и поколачивает (903-1469). Приходит вестник из мира людей, сообщивший о настоящем птичьем буме – все теперь подражают птицам, дают «птичьи» имена, поют птичьи трели и т.п.; в город скоро придут тысячи алчущих получить крылья (1277-1307). Вскоре прибывает посольство от богов: Посейдон, Геракл и Трибалл (варварский бог). Послы сначала занимают жесткую позицию, но Писфетер ведет переговоры очень умело. Подкупив голодного и прожорливого Геракла перспективой завтрака, он вносит раскол в ряды делегации. Трибалл что-то бормочет на варварском языке, и Геракл тут же заявляет, что тот тоже согласен на предложение Писфетера. Таким образом, Посейдон остается в меньшинстве (1565-1694). Основатель Тучекукуевска отправляется на небо, чтобы получить скипетр и деву Василию (буквально «Царская власть») в жены; заканчивается пьеса свадебным гимном, которым хор птиц провожает счастливого жениха и невесту. Переход вместе с Василией к Писфетеру «скипетра царственного» и «крылатой Зевса молнии» (πτεροφόρον Διὸς βέλος – 1714) – символ того, что глава Олимпа уступает свою верховную власть птичьему царю⁵, который отныне будет править и над людьми, и над богами.

«Птицы» – самая большая и самая таинственная пьеса Аристофана. О ней много спорили исследователи; предлагались самые различные интерпретации её содержания. И. Зюферн увидел в этой пьесе политическую аллегория, связанную с сицилийской экспедицией и её вдохновителем и организатором Алкивиадом⁶. У трактовки немецкого исследователя оказалось немало сторонников, правда, компрометировало её то, что исходя из одного и того же текста Аристофана ученые приходили к абсолютно противоположным выводам об отношении автора комедии к сици-

⁵ Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1991. С. 384.

⁶ Süvern J.W. Über Aristophanes Vögel // Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Philologisch-historische Klasse. 1827. S. 1-109.

лийскому предприятию и его инициатору. Некоторые вслед за Зюферном полагали, что Аристофан насмехается над экспансионистскими афинскими планами, осуждает идею экспедиции, а более широко – крайности «империализма» афинской внешней политики⁷. Другие же считали, что Аристофан сочувствовал данному предприятию и его главе – Алкивиаду, которого он изобразил в лице Писфетера, и ратовал за возвращение Алкивиада для руководства походом⁸. Третьи полагали, что Писфетер в Тучекукуевске – это Алкивиад в Спарте; Аристофан хотел предостеречь афинян против тирании Писфетера-Алкивиада и аллегорически показать опасность укрепления спартанцами Декелеи в Аттике⁹.

Есть и иное мнение, пожалуй, наиболее распространенное (и в прошлом, и в позапрошлом веке): «Птицы» – чистая фантазия, утопия или своеобразная волшебная сказка наподобие «Сна в летнюю ночь» Шекспира; бегство от треволнений и бед афинского бытия в заоблачный мир поэзии¹⁰; сюжет пьесы не имеет никакого отношения к сицилийской экспедиции и афинским планам завоеваний на западе¹¹.

Кажется все же сомнительным истолкование почина Писфетера как аллегории сицилийской экспедиции, превращающее «Пти-

⁷ Например: Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология. С. 359.

⁸ Клячко Н.Б. Социально-политическая направленность комедии Аристофана «Птицы» // Аристофан: Сб. ст. / Под ред. Н.Ф. Дератани и др. М., 1956. С. 125–139. Очевидное противоречие в этом случае с мирными симпатиями Аристофана Н.Б. Клячко объяснял тем, что комедиограф отражал взгляды простых афинян, тружеников села и города, а большинство из них тогда поддерживало идею экспедиции.

⁹ Vickers M. Alcibiades in Sparta: Aristophanes Birds // CQu. Vol. 45. 1995. P. 339-354.

¹⁰ См., например: Зелинский Ф.Ф. Происхождение комедии // Из жизни идей. Т. I. / Репринт с изд. 1911, 1916 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 376-377; Пиотровский А. Комедийный театр Аристофана // Аристофан. Комедии. М.;Л.: Academia, 1934. Т. I. С. 14; Варнеке Б.В. История античного театра. М.;Л.: Искусство, 1940. С. 71; Ярхо В.Н. Аристофан. М.: Гослитиздат, 1954. С. 73; Lévy E. Athènes devant le défaite de 404: Histoire d'une crise idéologique. P.:Ecole française d'Athènes, 1976. P. 125-126; Reckford K. Aristophanes' Old-And-New Comedy. Vol. I. Sex Essays in Perspective. Chapel Hill; L.: University of North Carolina Press, 1987. P. 328, 330–342; Konstan D. A City in the Air: Aristophanes' Birds // Arethusia. Vol. 23. 1990. P. 187.

¹¹ Murray G. Aristophanes: A Study. P. 156.

цы» во что-то вроде криптографического политического трактата, столь запутанного, что его смысл трудно было бы постичь даже современникам комедиографа. Однако, и на утопическую мечту о новом и совершенном городе, в котором люди смогут жить счастливо и свободно, как птицы, комедия не похожа, – и потому, что такое полное «бегство от действительности» вообще не в духе Аристофана, да и новый город и его глава совсем не столь совершенны. Скорее всего, Аристофан только воспользовался сказочным сюжетом для прикрытия определенной мысли¹². И здесь, как впрочем и в других пьесах, комедиограф насмеялся над увлечением афинян войной, желанием властвовать, любовью к сомнительным новшествам, склонностью к авантюрам, над доверием своих соотечественников к демагогам и пустобрехам, над их страстью к сутяжничеству и т.п.¹³ Насмехаясь над авантюризмом, прожектерством сограждан и их химерическими мечтаниями о всемирном владычестве, которые в каком-то смысле были психологическими предпосылками Пелопоннесской войне, Аристофан предложил им в «Птицах» столь же авантюрную и прожектерскую альтернативу – город, который, добившись для себя мира, будет царствовать над миром и создаст новый миропорядок, тиранический по сути.

В 411 г. Аристофан предложил на суд афинской публики свою «Лисистрату» (скорее всего, на Ленеях). Уже случилась сицилий-

¹² См.: Соболевский С.И. Аристофан и его время. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. С. 201, 204–208. Правда, Соболевский полагает, что эта мысль здесь не столько социальная или политическая, сколько «общечеловеческая» – осмеяние и осуждение в лице главного героя человеческой порочности.

¹³ См.: Соболевский С.И. Аристофан и его время. С. 201; Фролов Э.Д. Факел Прометей. С. 385 (Аристофану претило «усилившееся в его согражданах тяготение ко всякого рода политическим и интеллектуальным новшествам, увлечение несбыточными проектами и упование, при попытке их исполнения, на ловких и удачливых вождей, что особенно стало характерно для умонастроения афинян во второй период затянувшейся и утомившей их Пелопоннесской войны»); Müller K.O. Geschichte der Griechischen Literatur bis auf das Zeitalter Alexanders. Stuttgart: Verlag von A. Heitz, 1882. Bd. 2. S. 48 («Птицы» – сатира на афинское легковерие, склонность к построению волшебных замков); Arrowsmith W. Aristophanes Birds: The Fantasy Politics of Eros // Arion. n.s. Vol. I. 1973. P. 129-130 (в пьесе отразилась постоянная неуемность, страсть (lust) к завоеваниям и власти – то, что и составляет *πολυπραγμοσύνη* как квинтэссенцию афинского национального характера).

ская катастрофа: начали отпадать союзники, а Спарта захватила Декелею и заключила союз с Персией. Новая комедия Аристофана – еще одна, последняя, попытка воззвать к миру – полуфарс, полутрагедия.

Лисистрата (Λισιστράτη – букв. «распускающая войско» или «уничтожающая войну») составляет заговор с целью заставить мужчин прекратить войну. Для этого она призывает своих товарищ со всей Эллады отказывать мужьям в выполнении супружеского долга до тех пор, пока они не перестанут воевать (119-129). Женщины содрогаются, однако главным образом благодаря твердой позиции и силе характера Лисистраты и поддержавшей её спартанки Лампито соглашаются. Они захватывают Акрополь с казной, чтобы лишит мужчин средств на войну (120-253). Воинству Лисистраты нелегко перенести добровольно наложенное на себя воздержание – то одна, то другая её подруга норовят дезертировать под любым предлогом и вернуться к мужу. Прибывает вестник из Спарты и сообщает об аналогичной забастовке спартанок (980-1013). Вскоре мужчины сдаются: они обмениваются посольствами, и по случаю заключения мира устраивается веселый пир с песнями и плясками.

В «Лисистрате» «пространство мира» не только растет вширь, у него появляется новое качество – за дело взялись женщины, и тем самым окончательно превратили его в утопию (букв. «место, которого нет»), потому что не было в Элладе ничего фантастичнее, чем женщины, вершащие государственные дела и решающие вопросы войны и мира.

Несмотря на игривый и парадоксальный сюжет, местами «Лисистрата» поднимается до высокой трагедии, особенно в речах героини. На реплику пробула о том, что женщины в войне не участвуют, Лисистрата отвечает: «Мы переносим войну вдвойне тяжелей. Прежде всего тем, что родили детей – и отправили на войну детей-гоплитов» (πλείν ἢ γέ διπλοῦν αὐτὸν φέρομεν, πρῶτιστον μὲν γέ τεκοῦσαι κάκπέμψασαι παῖδας ὀπίτας – 589-590)¹⁴. Предводительница женского сопротивления продолжает¹⁵: «И к тому же в года, когда юность цветет, когда хочется радость

---

¹⁴ В переводе Пиотровского: «Знай, для женщин война – это слезы вдвойне! Для того ль сыновей мы рожаем, чтоб на бой и на смерть провозжать сыновей?»

¹⁵ Далее слова Лисистраты – в поэтическом переводе А. Пиотровского.

увидеть, из-за ваших походов, как вдовы мы спим... Наших девушек бедных мне жалко до слез, что стареются, сидя за прялкой». Пробул пытается ей возразить: «Но мужчина ведь тоже стареется, а?» Героиня парирует: «У мужчин это дело другое. Он домой возвратится с седой головой и возьмет себе девочку в жены. А у женщины бедной пора недолга, и когда не возьмут её к сроку, уж потом не польстится никто на неё, и старуха сидит и гадает» (588–598).

Обращает на себя внимание изменение отношения к противнику, восприятия врага по ходу войны и всё ухудшающегося положения Афин, которое можно проследить в пьесах Аристофана от хронологически самой ранней – «Ахарняне» – до «поздней» «Лисистраты». Дикеполь восклицает: «Спартанцев кровно ненавижу я (ἐγὼ δὲ μισῶ μὲν Λακεδαιμονίους σφόδρα), пускай обрушит крыши им на голову тенарский Посидон в землетрясении. Ведь и мои сады врагом потоптаны» (Ach., 509–511). Герой «Мира» Тригей считает, что афиняне справедливо погубили лаконские смоквы (имеется в виду рейд афинского флота к берегам Пелопоннеса), потому что и в его саду неприятель вырубил деревья (ἐν δίκῃ μὲν οὖν, ἐπεὶ τοὶ τὴν κορώνων γέ μου ἐξέκοψαν – 628–629). В момент действия «Лисистраты» всё уже так плохо, что нет смысла винить кого-либо. О Спарте и спартанцах говорится чуть ли не с уважением: необходимо примириться с великим и благородным врагом. Вспоминаются старые союзы и взаимопомощь: содействие спартанцев афинянам в освобождении их полиса от тирании Гиппия, экспедиция Кимона в помощь спартанцам во время одновременного землетрясения и восстания илотов (1125–1161), совместная борьба против персов; спартанские песни, обычаи и идеалы героизма становятся рядом с афинскими (1248–1320).

Заметим и панэллинскую составляющую «Лисистраты», которая выражена в ней еще более отчетливо, чем в «Мире»¹⁶. Лисистрата призывает женщин со всей Греции; в финале дружно поют и танцуют вместе спартанский и афинский хор. Однако едва ли стоит усматривать здесь какое-либо отражение реальных политических концепций: панэллинизм в конце V в. – почти такая же фантастика, как правление женщин.

¹⁶ На это неоднократно обращали внимание исследователи – см., например: Соболевский С.И. Аристофан и его время. С. 212; Whitman С.Н. Aristophanes and the Comic Hero. Cambridge Mass.: Harvard UP, 1964. P. 214, 324, note 54 – ссылка на предшествующую литературу.

Итак, в рамках исследуемой нами проблемы «война и мир» в пьесах Аристофана мы наблюдаем характерную и для него в частности, и для древней комедии в целом смесь фантастического мира, сказочных мечтаний и настоящей жизни, реальных чаяний. Смесь надежды на мир, усталости от войны – и совершенно фантастических рецептов по воплощению первой и преодолению второй. Аристофановская фантазия, структурированная, изобретательная и мощная, соединяясь с реальностью, играя с ней, до известной степени расширяет границы последней: американский исследователь Седрик Уитмэн уподобляет аристофановскую смесь воображаемого мира с элементами реальности сюрреалистическим картинам Сальвадора Дали¹⁷. Силой своего блестящего, острого, язвительного, зажигательного слова комедиограф создает «иной мир» – «гетерокосм»¹⁸, наполненный элементами и проблемами «мира настоящего». Фантастическая реальность гетерокосма, очевидно, помогала переживать реальность повседневную – тем, что создавала виртуальное пространство мира в изнурительном реальном пространстве войны, благодаря чему на территории господства Раздора и Войны появлялись «острова мира».

Список использованной литературы

Варнеке Б.В. История античного театра. М.;Л.: Искусство, 1940. 312 с.

Зелинский Ф.Ф. Происхождение комедии // Из жизни идей. Т. I. / Репринт с изд. 1911, 1916 гг. М.: Ладомир, 1995. С. 360-398.

Клячко Н.Б. Социально-политическая направленность комедии Аристофана «Птицы» // Аристофан: Сб. ст. / Под ред. Н.Ф. Дератани и др. М., 1956. С. 109–139.

Крузе А. и М. История греческой литературы / Пер. с фр. В.С. Елисейевой. Под ред. С.А. Жебелева. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2008. 701 с.

Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // Человек и общество в античном мире / Отв. ред. Л.П. Маринович. М.: Наука, 1998. С. 295–363.

Пиотровский А. Комедийный театр Аристофана // Аристофан. Комедии. М.;Л.: Academia, 1934. Т. I. С. 7–54.

---

¹⁷ Whitman C. H. Aristophanes and the Comic Hero. P. 259–280

¹⁸ Reckford K. Aristophanes' Old-And-New Comedy. P. 204.

Соболевский С.И. Аристофан и его время. М.: Издательство Академии наук СССР, 1957. 420 с.

Фролов Э.Д. Факел Прометея. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1991. 440 с.

Ярхо В.Н. Аристофан. М.: Гослитиздат, 1954. 135 с.

Arrowsmith W. Aristophanes Birds: The Fantasy Politics of Eros // *Arion*. n.s. Vol. I. 1973. P. 119-167.

Konstan D. A City in the Air: Aristophanes' Birds // *Arethusa*. Vol. 23. 1990. P. 183-207.

Lévy E. Athènes devant le défaite de 404: Histoire d'une crise idéologique. P.: Ecole française d'Athènes, 1976. 339 p.

Müller K.O. Geschichte der Griechischen Literatur bis auf das Zeitalter Alexanders. Stuttgart: Verlag von A. Heitz, 1882. Bd. 2, Hälfte 1. 212 S.

Murray G.A. Aristophanes: A Study. Oxf.: Clarendon Press, 1933. 268 p.

Reckford K. Aristophanes' Old-And-New Comedy. Vol. I. Sex Essays in Perspective. Chapel Hill; L.: University of North Carolina Press, 1987. 567 p.

Süvern J.W. Über Aristophanes Vögel // *Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wis-senschaften zu Berlin, Philologisch-historische Klasse*. 1827. S. 1-109.

Vickers M. Alcibiades in Sparta: Aristophanes Birds // *CIQu*. Vol. 45. 1995. P. 339-354.

Whitman C. H. Aristophanes and the Comic Hero. Cambridge Mass.: Harvard UP, 1964. 333 p.